



СНАЧАЛА — несколько слов о прототипах. В новом энциклопедическом словаре при толковании этого слова, как «реальной личности, послужившей автору первоисточником при создании худ. образа», приводится в скобках пример: летчик А. П. Маресьев — прототип Мересьева, героя «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого. Хочу обратить внимание читателя на то, что единственный пример взят из книги, посвященной Великой Отечественной войне.

Лет десять назад, еще при жизни К. М. Симонова, писал я о том, как в Днепропетровске с помощью местных журналистов удалось разыскать Викторину из знаменитого очерка «Дни и ночи» (эпизод с ней перешел затем из очерка в симоновскую повесть под тем же названием). В своих военных очерках Константин Михайлович нередко оставлял подлинные имена героев. «Я всегда, когда можно было, старался в то время делать именно так, — писал он в связи с розысками Викторины, — потому что знал, что «Красную звезду» широко читают и можно порадовать близких того или иного человека».

Все это вспомнилось не случайно. Дело в том, что совсем недавно с Олегом Терентьевичем Гончаром мы побывали в тех местах, где в 1941 году впервые приняли бой добровольцы — студенты Харьковского университета, или, как их называли, студбатовцы — герои известного его романа «Человек и оружие», написанного в 1960 году и отмеченного в 1962 году Государственной премией УССР имени Т. Г. Шевченко. То был один из самых тяжелых периодов Великой Отечественной войны. Вражеские войска рвались к Киеву. На протяжении двенадцати дней июля Совинформбюро ежедневно сообщало о жестоких боях на белоцерковском направлении. Прибывший сюда батальон харьковских студентов-добровольцев был разделен на группы и брошен на пополнение обесилленных в непрерывных боях пограничных отрядов, частей 41-й и 227-й стрелковых дивизий.

Вот несколько строчек из романа:

«Студбят истекла кровью. У берегов Роси, в садах, в окопах — всюду слышался стон раненых. Не от солнца, выглянувшего из-за верб, а от крови багровели в это утро чистые воды Роси...»

То, что роман Олега Гончара в какой-то мере автобиографичен, известно давно. Но «в какой-то мере» — это еще ни о чем не говорит. Можно узнать кое-какие черты автора в образах таких героев, как Колосовский и Духнович? Возможно, но и этого мало. А вот видеть взволнованное лицо и чуть увлажненные глаза Олега Гончара, когда мы приехали на места бывших боев студбатовцев, когда стояли у братской могилы, когда смотрели на безымянный приток Роси — памятной, которую местные жители с той военной поры и по сей день называют между собой Красной, — этого было вполне достаточно, чтобы убедиться, насколько автобиогра-

фичен роман «Человек и оружие».

Да, Олесь Гончар тоже был добровольцем, бойцом студбата. Их осталось тогда в живых очень немногих, главным образом те, кто был ранен и кого успели вывезти в районе Канева через Днепр. Так случилось с Олегом Гончаром. Были ранены и другие недавние студенты-филологи, например, Даниил Бакуменко, Григорий Тютюнник, Михаил Пилипенко, Дмитро Белоус. Все четверо, кстати сказать, после войны станут профессиональными писателями. Г. Тютюнник посмертно удостоен звания лауреата Шевченковской премии за написанный в начале 60-х

Олесь ГОНЧАР:

МОИ БОЕВЫЕ ТОВАРИЩИ...

годов роман «Водоворот». Поэт М. Пилипенко (автор знаменитой «Уральской рябинушки») в 50-х годах возглавит Свердловскую писательскую организацию. Д. Белоус — известный поэт-переводчик, лауреат республиканской литературной премии имени М. Рильского. Д. Бакуменко — тоже поэт, сейчас он приехал вместе с Олегом Терентьевичем. Перед войной оба жили в одной комнате студенческого общежития (этот период тоже подробно описан в «Человеке и оружие»). Был в их комнате еще третий жилец — Иван Чемерис. Из-за него-то, собственно, они и приехали сегодня сюда, на поля совхоза имени Калинина, километрах в восьми от Белой Церкви.

А история приезда такова. Студенты Белоцерковского сельскохозяйственного института в свой трудовой семестр, работая на полях совхоза, неожиданно натолкнулись на останки трех воинов. Тут же лежали заржавленные винтовки. Были обнаружены у одного из солдат почти истлевший студенческий матрикюл, комсомольский значок, карманные часы и, главное, медальон-патрончик. Я помню, как в 1941 году нам выдавали на фронте такие медальончики на случай контузии, тяжелого ранения или смерти и как мы скептически относились к ним, очевидно, не способные в силу своей молодости поверить в то, что они могут пригодиться. А вот прошло 40 лет, и благодаря медальону стало известно имя погибшего бойца: «Чемерис Иван Леонтьевич. 1916. Село Слободка, Талалаевский р-н, Черниговская обл.»

Да, это он жил вместе с О. Гончаром и Д. Бакуменко в маленькой комнате студенческого общежития. Он учился на том же филологическом факультете университета и работал учителем истории в школе. Бакуменко сразу узнал карманные часы — единственного из нас всеобщего. По рассказам товарищей, был Чемерис из тех, кого называют главными заводилами, и он же, между прочим, первым предложил пойти в военкомат, потребо-

вать немедленной отправки добровольцев на фронт...

Несколько раз в этот день Олесь Терентьевич вспоминал последние минуты расставания с Иваном Чемерисом. Они почему-то особенно врезались в память. Одного с группой направили в район Ракитного, второго — сюда, под Белую Церковь. Вторых сказали друг другу какие-то слова. Простились. И — никаких следов...

Но вот любопытная деталь, даже труднообъяснимая. Помните, К. Симонов писал, что на всякий случай оставлял в военных очерках подлинные имена героев? Но то были фронтовые корреспонденции для газеты, а тут ситуация совершенно иная — послевоенный роман о войне, произведение отнюдь не документальное, а художественное. Все герои в «Человеке и оружие» — лица вымышленные. И только в одном месте один раз — среди всех вымышленных имен и фамилий — Олесь Гончар назвал вдруг в романе Ивана Чемериса его собственной фамилией. Вот это место из 15-й главы, где рассказывается о прибытии студбата в прифронтовую полосу:

«...Все более явственным и мощным гулом дает знать о себе фронт. То и дело налетают вражеские самолеты, разгоняют студбатовцев по хлебам, по канавам. Носом в землю — и слушай, как, выворачивая душу, воет над тобой металлический хищник, как прямо на тебя падает он с пронзительным визгом.

Бредут из хлебов, и неловко, стыдно смотреть друг другу в глаза — от унижения, которое только что пережили, оттого, что вынуждены прятаться, ползая по родной земле.

— Позор... Просто затравленным зайцем себя чувствуешь, — отряхиваясь, признается Мороз. — Землю носом роешь, ползаешь на четвереньках...

Филолог Чемерис смеется нервно:

— Мы вот с Калужным как раз спорили, кто гениальнее: Стендаль или Флобер? Я говорю — Стендаль, он — Флобер... Я свое, он свое... А когда налетели да трахнули, так он шлепнулся и руками замазал: Стендаль, мол, Стендаль, черт с тобой!»

Больше нигде филолог Чемерис не встречается в книге. Всего лишь один-единственный раз. Я воспринимаю это только как последнюю дань автору другу, о котором он после войны абсолютно ничего не знал...

И вот стоим над его новой могилой. Кладем цветы. Молчим. Женщины из деревни плачут...

Чуть позже, на читательской конференции в актовом зале Белоцерковского сельхозинститута, Олесь Терентьевич поблагодарит белоцерковских студентов за их сыновнее отношение к памяти павших воинов-студентов. Будут выступать студенты, делаясь впечатлениями о романе «Человек и оружие», который через двадцать с лишним лет после выхода в свет как-то по-новому заинтересовал и увлек молодых читателей. Вроде бы и они, сегодняшние студенты, прикоснулись к той овеянной славою живой истории и литературе о ней. Была вот в романе строчка про филолога Чемериса, а жизнь как бы дописала новую страничку.

И выступал на конференции

сам автор, взволнованный тем, что увидел и пережил в тот день. Отвечал на бесчисленные вопросы. Выступал украинский поэт, бывший боец студбата, а потом подполковник Д. Бакуменко. И литературный критик, старший научный сотрудник Института литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук Украины А. Коваленко выступал. И автор этих строк. Все четверо — бывшие фронтовики, со студенческой скамьи ушедшие в 41-м на фронт. И, может, именно по этой причине так тронуло нас обращение белоцерковских студентов к своим товарищам из других вузов Украины с призывом перечислить заработок за один день труда в стройотрядах на сооружение памятника в районе, где в первые недели войны храбро сражались студбатовцы.

Вот такая история вышла. История, в которой переплелись жизнь и смерть, война и литература. Подумать только, более четырех десятилетий прошло уже после тех страшных событий, а война не перестала напоминать о себе то вдруг каким-то случаем, то еще одной трагической судьбой. Как,

для меня воспоминания, воссоздания, лица людей, многих из которых, к сожалению, уже нет среди нас.

Он обвел глазами сидящих в зале молодых воинов и продолжал:

— Среди ужасов войны самым светлым для нас была дружба. Солдатская. Человеческая. Дружба людей разных национальностей. Этот дух нашей армии я пытался передать в «Знаменосцах»...

В комнате боевой славы мы увидели огромную карту, на которой помечен славный путь полка: изгнание врага с Украины, Яско-Кишиневская операция, освободительный поход — Румыния, Венгрия, Чехословакия, Австрия... Ну, конечно же, путь «Знаменосцев». На нескольких групповых снимках легко узнать молодого Олега Гончара. Любительские снимки подобного рода делались обычно либо после боя, либо перед ним. А они улыбаются... («Запомните нас веселыми!» — в романе «Твоя зоря» такая надпись сделана на фотографии четырех летчиков перед боевым вылетом.) И тут под стеклом такая же веселая четверка.

— Это командир нашей минометной роты Иван Антонович Прасол, — говорит Олесь Терентьевич. — Он давал мне рекомендацию в партию, мы переписываемся с ним. Рядом очень знакомое лицо, но не помню фамилии.



Олесь ГОНЧАР в селе Харкивцы Полтавской обл.

Фото И. ЯИЦКОГО

скажем, судьба Ивана Чемериса. Нужно ли удивляться, что писатели того поколения, к которому принадлежит и Олесь Гончар, каждый раз и во всех своих произведениях так или иначе возвращаются к теме войны? Или вернее — человека на войне. Хотя одной главой. Хотя одним эпизодом или биографией главного героя, как в последнем, остросовременном романе Гончара «Твоя зоря».

И еще об одной недавней встрече писателя я хочу рассказать. О встрече с его однополчанами. Напомнила она совсем другой период войны, тоже нелегкий, но более оптимистичный, что ли. И напомнила другую книгу Олега Гончара — самую первую, написанную сразу после войны, нестарую, уже более ста раз выходящую в свет трилогию «Знаменосцы».

— Вы можете понять мое душевное смятение, — сказал, обращаясь к однополчанам, Олесь Терентьевич, — когда я вновь очутился в своем родном гвардейском полку, с которым прошел полвойны. За этим словосочетанием — «родной полк» — всплывают дорогие

А это наш комбат...

Другая фотография тех времен: на ней гвардии сержант Гончар, как говорится, «при наградах». Много сегодня почетных званий и высоких знаков отличия у писателя Олега Гончара. У сержанта Гончара их было, конечно, поменьше, но взгляните — какие! Только фронтовики знают и по-настоящему могут оценить, что это такое — быть трижды (!) награжденным медалью «За отвагу». Да еще орденом Славы!

С уважением смотрят сегодняшние сержанты то на фронтовые фотографии писателя, то на него самого. Он поздравляет их на прощание с приближающимся великим нашим праздником — Днем Победы. И оставляет в книге отзвук почетных посетителей комнаты боевой славы такую запись: «Однополчанам, людям, которые выполняют ныне свой высочайший долг перед Родиной, желаю всего, что солдат может пожелать солдату, человеку общей судьбы. Ваш Олесь Гончар».

К. ГРИГОРЬЕВ,
специальный
корреспондент «ЛГ»

КИЕВ